

Зима наступила неожиданно. Еще вечером землю покрывали лишь жесткие комки грязи и старый истерзанный ковер увядших осенних листьев — и вдруг сверкающий белизной и чистотой первый снег. А солнечные зайчики тем временем весело скакали по высоким снежным сугробам, многократно отражаясь от искрящегося зимнего полотна, скользили по оконным стеклам и, проникая в детские комнаты, начинали весело плясать по стенам, полу и потолку. Возмущенные таким озорным поведением природы родители забегают в детские комнаты и поплотней задергивают шторы, что бы предотвратить преждевременное пробуждение своих чад. Но уже поздно, и как только мама выходит из комнаты, на лице малыша расцветает победная улыбка, а огромные озорные глазки открываются. Под ненавязчивые протесты родителей малыши бегут на улицу, навстречу первому зимнему снегу. И трудно найти на свете минуты радостней, чем лепка первого зимнего снеговика. Веселого и смешного, с глазами угольками и носом из оранжевой морковки. Холодного, но с теплой улыбкой.

Однако есть малыши необычные, которые снег вовсе и не любят. Живут они в подвале дома, прямо под обычными малышами.

Одного из таких необычных малышей звали Пик, и был он по собственному мнению совсем не малыш, а серьезный и самостоятельный кролик. И пусть лапки его были до смешного маленькие, и весь он сам так же был удивительно мал и забавен, это не мешало ему мнить себя величайшим из всех, когда-либо существовавших, кроликов.

Пик вместе с другими кроликами жил в подвале большого и красивого дома на окраине какой-то деревушки, название которой мало кого волновало, кроликов уж тем более. Они просто жили в свое удовольствие. Грызли капусту и травку, которую воровали для них с огорода соседи, жившие наверху, дети. Родители частенько ругались на своих маленьких за то, что они таскают еду для кроликов, но ругались как-то по-доброму, и никогда не наказывали их, и дети продолжали таскать снова. Иногда они приносили рваные пуховые подушки, больше непригодные для людей, но зато подходящие кроликам, для того что бы маленьким крольчатам было теплее. Словом, жили кролики в уюте и спокойствии.

Пик родился в большой семье, собственно, все кроличьи семьи были большими, однако семья Пика даже среди кроликов считалась большой. И пусть Пик и был, по своему мнению, давно уже состоятельным и взрослым кроликом, нюх на сладенькую,

сочную морковку был у него отменный, и едва почуяв ее запах, он самый первый вылезал из норки и бежал искать угощение.

Итак, одним ясным светлым утром, разбуженный зимним солнцем Пик, важно заложив за спинку маленькие лапки, направился на прогулку вокруг дома.

— Фу, этот снег, до чего противное явление природы,— рассуждал он.— И что хорошего может получиться из снега, ну ничегошеньки, ровным счетом. И почему это дети так любят его. Тьфу ты гадость какая, она еще и глаза слепит,— после темноты подвала свет зимнего солнца, многократно отраженный в снежинках, нестерпимо слепил ему глаза.

Так думал Пик, семеня маленькими лапками по сугробам.

— Ай, как холодно. Решительно, маленькие кроличьи лапки совершенно не пригодны для беготни по жгучим холодам сугробам. Ох, уж этот снег, была бы моя воля, я бы...— Внезапно маленький, чуткий носик уловил знакомый, сочный запах.— Морковка! В сугробе... Быть этого не может!

Яростно работая лапками, Пик побегал вперед на запах угощения. Тщетно он старался заставить себя держаться гордо и степенно, запах морковки манил его как малыша, и он повиновался. Да, это был не мираж. На вершине холмика, прямо из сугроба торчала оранжевая, ароматная морковка.

— Ах... вот повезло так повезло.

Кролик сбежал вверх на холмик и радость его мгновенно пропала. То, что издали казалось просто бесформенной кучей снега, на самом деле было достаточно аккуратно слеplенным снеговиком с глазами угольками и глуповатой улыбкой. Снеговик стоял гордый и красивый с высоко вздернутым морковным носом.

— Еще бы не задирать ему нос, когда он у него такой замечательный,— подумал кролик, злобно потопывая маленькой лапкой по снегу.— И как бы выкрасть ее теперь — эту чудесную, удивительную, идеальную морковку, по-хорошему он ее конечно не отдаст.

А морковка действительно была замечательная. Длинная, ровная и правильная со всех сторон, удивительно насыщенного красно-оранжевого, немного розоватого цвета с острым кончиком. Самая лучшая на свете морковка.

— И не жалко было глупым детям тратить такую превосходную морковку на какого-то снеговика, ведь они могли ее отдать кроликам, им-то она, конечно, нужнее.

Пик рассерженно скакал вокруг снеговика, не решаясь подойти к нему. Морковка манила его своей сказочной красотой, но страх услышать отказ не позволял подойти ближе.

— Ну, в конце концов, я — взрослый уже кролик, почему же трепещу как крольчонок перед каким-то несчастным снеговиком?!

Пик выглянул из-за холма. Снеговик стоял гордый и безмятежный. Его снежная кожа ласково искрилась на зимнем солнце.

— Тьфу ты, так и светит, глупый, снежный ком,— Пик рассерженно притопнул лапкой и выскочил из-за холма.— Эй ты...— собственный голос вдруг показался ему до глупости детским и писклявым.— Да ты пустоголовый!

Снеговик удивленно скосил на кролика глаза уголечки, наклонить голову он не мог, ведь у него не было шеи.

— Эй! Почему так грубо? — спросил он.

Пик заговорил звонким, снежным голосом, похожим на звуки колокольчика:

— Дайка мне свою морковку.

— С какой стати?! — теперь звонкий голос снежного гиганта звучал возмущенно.

— С такой, что тебе она вообще ни к чему.

— А тебе зачем?

— Да как тебе не стыдно, глупый ты снежный шарик, кроличье семейство голодает, нашим детям не хватает еды, в то время как такие как ты так нагло и нерационально используют ресурсы.

— Ты говоришь глупости. С этого холма я видел своими глазами, как дети притащили целый ящик сочной морковки в ваш подвальчик.

— Наглая ложь! — вскричал Пик. — Мы голодаем!

Снеговик усмехнулся.

— Иди-ка, поищи морковку в другом месте, а эта останется при мне.

— Вот есть же на свете бесчувственные существа. Хотя, что и говорить, ведь ты слеплен из холодного снега. Чего еще ждать от тебя?! — пробурчал Пик и гневно поскакал к своему подвалу.

— Ты создан из плоти и крови, однако злости в тебе едва ли меньше, — тихо и печально прозвенел снеговик. Его явно обидели грубо брошенные слова неразумного кролика. — Нет, не отдам я ему свой носик, — секунду заколебавшись, пробормотал он в след убежавшему по снегу кролику.

Кролик скакал быстро, взрывая за собой пушистые снежные сугробы. Едва приблизившись к темной норке входа, он вдруг заметил беспокойно скачущую у подвальчика из стороны в сторону знакомую круглую фигурку. Фигуркой оказалась проворная, пушистая крольчиха, Розы, сестра Пика. Завидев брата, она встрепенулась и стремглав бросилась ему навстречу.

— Ох, снова эта глупая крольчиха, — подумал Пик и поморщился, — все чувства у нее напоказ.

Вообще-то Пик очень даже любил Розы, хотя и старался не показывать этого, особенно при детях и других кроликах, но уж очень терпеть не мог, когда она вопила. А маленькая крольчиха действительно любила повопить, и когда начинала, то остановить ее было уже невозможно.

— О-о-о, Пик, я как раз поджидаю тебя, — заверещала Розы и весело забарабанила задней лапой по снегу, поднимая в воздух тучи снежинок.

— Неужели?! — раздраженно отозвался Пик и степенно двинулся к дому. Розы весело поскакала за ним, она совершенно не замечала равнодушие брата и была все так же весела и безмятежна, как солнышко в самый ясный зимний денек.

— О-о-о, Пик, ты представляешь, такое чудо! Дети! Они притащили сегодня так много морковки, целый ящик. Самый огромный из ящиков. Такой огромный, я и помыслить не могла, что бывают такие огромные ящики. И ты знаешь, милый мой дружок, он до краев наполнен морковкой. Удивительно вкусной морковью. Бежим быстрее, братишка, бежим! — зайчиха обогнала Пика и, заливаясь смехом, поскакала вперед, взрывая за собой сугробы. — Морковь...

Пик равнодушно спустился домой. В самом деле, глупая крольчиха была права. Посреди подвальчика действительно стоял ящик самой настоящей моркови. Кролики возбужденно толпились возле него, шуршали и ругались. Каждый хотел ухватить кусочек побольше. Однако большого смысла в этом не было. Морковки было столько, что кролики могли питаться ею до отвала всю зиму, выбирая при этом самые лакомые кусочки.

Пик взглянул на морковь, и ему стало тошно. Нет, это совсем не та чудная морковь, какую он видел у снеговика. Та другая! Неповторимая, самая лучшая. Наверняка самая сладкая на свете морковь.

— Я должен. Я должен заполучить ее. И только ее. Эта морковь не годится, — сказал он, и важно заложив маленькие лапки за спинку, отправился обдумывать план похищения самой лучшей на свете морковки.

Следующим утром Пик встал очень рано. Едва солнце зарумянило розовыми лучами вчерашний первый снег, как он уже скакал в гору, чтобы осуществить свой коварный, но по-кроличьи простой план. Пик хотел попросту украсть морковку. Рассчитывая на крепкий сон снежного гиганта, он планировал тихонько подобраться поближе и, подпрыгнув, выхватить морковку из снежной головы. Однако и снеговик был не так прост, как хотелось бы Пикю. И когда величайший из кроликов поднялся на гору, то обнаружил, что снеговик совсем и не спал. Его маленькие, черные глаза-уголочки приветливо светились. Он широко и глуповато улыбался, как и положено снеговикю.

«Вот глупый снежный монстр»,— раздраженно подумал Пик.

— Ах, это снова ты, маленький кролик,— словно подслушав его мысли, проговорил снеговик и улыбнулся.— Я вот проснулся только что. Прекрасная погода, не правда ли? Морозно!

«Только что проснулся, говоришь»?! — подумал Пик злобно.— Значит завтра стоит прийти еще раньше и тогда план будет осуществлен. Посмотрим, чья возьмет,— пробормотал Пик вслух и поскакал обратно к норке.

На пороге его вновь встретила Роза.

— Пик, ты представляешь...— заверещала она, но Пик даже слушать ее не стал и неприветливо проскакал мимо.

— Чем бы занять себя? — подумал он, слоняясь из угла в угол.— Перекусить быть может?!

Но нет, у Пика совсем не было аппетита. Он грезил о заветной морковке. Думал, как схватит ее, как вопьется зубами в ее оранжевую мякоть, как ощутит во рту ее сочную свежесть! С этой мыслью Пик заснул и проспал весь день. Он встал рано, когда еще не расцвело. Лишь фиолетовая полоса пролегла на горизонте и зазолотилась на крышах высоких соседских домов. Пик бесшумно поскакал на холмик на встречу с неприятелем, надеясь застать его врасплох. Но вот сюрприз, снежный гигант опять бодрствовал и его темные глаза-угольки светились сегодня даже еще ярче.

— Вот подлый, ледяной чурбан! — выругался Пик и вновь ускакал домой.— Ну, ничего, я встану еще раньше, должен же он хоть когда-то спать?!

Так прошло несколько недель. Каждое утро, едва-едва забрезжит полоса рассвета, как Пик бегал на заветный холм. И каждый раз возвращался ни с чем. Он сильно исхудал за эту зиму. Некогда упитанный кролик превратился в свое жалкое подобие. В кроличью шкуру, натянутую на кости. Как будто чучельник сделал из его остатков искусное чучело. Удивительно, как сильно меняет страсть получить что-то большее, чем ты имеешь. Пик практически сошел с ума. В его некогда мудрых глазах засветилось безумие, носик нервно дергался на худой изможденной мордочке. Он вечно бормотал что-то о чудесной морковке, растущей прямо из сугроба. Бывало, ночами он громко стонал, и даже плакал, умоляя принести ему морковь из сугроба. Другую морковь, он и видеть не хотел; только ту — самую заветную! По ней ныло его маленькое кроличье сердце, страсть и жажда прогрызли в нем дыру, и оно плакало и страдало.

Часто Пик представлял жестокую расправу, которую учинит он над снеговиком, как только заполучит заветную морковь. Особенно часто случалось это, когда измученный темными, безморковными ночами Пик заступал на дежурство, следя, когда заснет его холодный враг, чтобы выхватить из его головы то, о чем он грезил столько дней.

Но снеговик, казалось, никогда не спал. Ночами он любовался звездами, их нежным, холодным и приветливым сияние. Так же светились его глаза-уголочки. Днем с ним играли детки, а по вечерам и по утрам он любовался пурпурной зарей. Жизнь его

была насыщена событиями. Он купался в дружбе и любви, и постоянно улыбался всем, кто смотрел на него. Даже Пик улыбался, однако, кролик не замечал в снеговике ничего, кроме его чудного носа, которого, по мнению самого кролика, снеговик был не достоин.

Так прошло много-много дней. И неожиданно наступила весна. Почти так же неожиданно, как когда-то зима. Вдруг сжался на холмике снег, словно вату облили водой. И запели птицы, и кролики все чаще стали выбираться из своего подвальчика, посмотреть на божий свет, и искупаться в первый лучах весеннего солнца.

Поначалу и снеговик наслаждался чудной природной магией, творившейся вокруг, а потом вдруг резко погрузился. Весь он сжался, располнел и растекся. Вжал помельчавшую голову в некогда могучее снежное тело. Отекшие ноги уже не могли удержать его. Улыбка размылась, и глаза-уголочки смотрели теперь грустно, неприветливо. Лишь морковка осталась та же самая. Замечательная, идеальная морковка. Возбужденный весенним переполохом Пик теперь все чаще и чаще приходил на холмик посмотреть на нее. По правде говоря, он уже давно забыл, какая на вкус морковь. Последние несколько месяцев он жевал лишь ботву, да вялую капусту, к морковке он даже не притрагивался и все грезил об идеале.

И вот однажды в особенно теплый день Пик выскочил на холмик и не узнал его. Он словно бы стал меньше и вместо холодной, белоснежной ваты здесь теперь влажно блестя черная земля, сквозь которую пробивались молодые зеленые травинки — первые подарки весны.

А снеговик умирал. Он уже даже не сидел, а лежал на еще холодной и мокрой земле и по его грязному телу катились в землю прямо к траве капельки талого снега. Его некогда приветливый рот, почти совсем размылся, уголки губ опустились, как у грустного клоуна в цирке, а глаза разъехались в стороны.

Пик вздрогнул. Холодок ужаса пробежал по его шкурке. Увидев знакомого кролика, снеговик попытался сотворить на своем лице некое подобие улыбки, однако даже это не получилось у него. Он долго охал, силясь произнести что-то, но голос не повиновался ему. Пик стоял застывшим от удивления и страха, его маленький хвостик предательски подрагивал. Впервые он видел своего врага поверженным, лежащим на черной земле и испускающего последние силы. Казалось, всего-то один - два прыжка до заветной цели. Той цели, к которой он шел столько недель, ради которой морил себя голодом и ради которой проводил холодные ночи у заветного холма. Но он не мог, не мог сделать ни шагу к врагу, лежавшему у его ног. Пик отступил, впервые за три месяца. А снеговик вдруг приподнялся. Он вновь заохал, в ответ ему зачирикали в еще не покрытых зеленью кустах птицы. Снеговик напрягся, и на лице его появилась слабая, едва заметная улыбка.

— Сюда...— пробубльнул он, уже почти полностью растекаясь.

Пик огляделся и неуверенно шагнул вперед.

Снеговик качнул головой, и к ногам Пика упала, словно яблоко с дерева, заветная морковь.

— Возьми дружек, она мне больше не нужна.

Пик задрожал, он хотел сказать снеговика что-то доброе, что-то ободряющее, но у него не получалось.

— Спасибо,— хрипло прошептал он и отвернулся. Ему хотелось посмотреть на снеговика, взглянуть в последний раз в его дружелюбные, блестящие глаза, но когда он повернулся, снеговика уже не было, лишь два уголка плавали в мутной воде, которую жадно всасывала в себя земля, и розово-оранжевая, как закатная полоса, морковка лежала у ног победителя. Пик поднял ее с земли. Она еще хранила в себе нежный зимний холод.

«Красивая какая... вкусная, наверное»,— подумал Пик и в ту же минуту за его спиной возникла Роза.

— Поделишься? Я делилась с тобой, помнишь? — спросила она.

— Нет, я ее верну снеговика,— грустно вздохнув, ответил ей Пик.

— Но его же нет, он растаял,— удивилась Роза, указывая лапкой на лужицу, оставшуюся от снеговика.

— Он вернется, я это точно знаю. На следующую зиму он к нам обязательно вернется! Я верну ему его морковку, и мы с ним станем настоящими друзьями! — ответил Пик и улыбнулся. Он был рад такому своему решению.

А в безоблачном голубом небе, переливаясь радужными огнями, весело светило яркое весеннее солнышко. Оно ласкало кролика теплыми лучами и радовалось вместе с ним тому, что он стал лучше, стал добрее и терпимее. Радовалось тому, что, когда вновь наступит зима, снеговик не останется один, и не будет скучать в холодные зимние ночи, потому что отныне у него появился настоящий и верный друг, и имя ему — Пик.

